

ПОСЛЕ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Фрагменты диалога Алексея Чеснакова и Бориса Межуева

От редакции. Как оценивают «Вехи» люди одного поколения, которые все 1990-е и 2000-е годы шли разными политическими и профессиональными путями? Алексей Чеснаков и Борис Межуев родились в один год, окончили один и тот же философский факультет МГУ. Их оценки роли интеллигенции в российской политике отражают тот разброс мнений по этому вопросу, который характеризует поколение, которому выпало начинать свою карьеру в эпоху девяностых — время, когда интеллигенция полюбила власть, а власть — интеллигенцию.

Алексей Чеснаков: Очень многое в восприятии феномена интеллигенции упирается в поколенческие проблемы. При оценке «Вех» важно учитывать историческую специфику появления этого сборника. С точки зрения современного взгляда на начало прошлого века «Вехи» скорее закрывали какую-то часть отечественной истории, чем открывали. Именно в ходе этой дискуссии было сформировано представление об интеллигенции как о специфическом русском явлении с определенными моральными принципами, которое пришло на смену народничеству.

Если посмотреть на сегодняшний день, то можно найти интересные параллели. Сегодняшние интеллигенты по желанию ведут родословную от одного из лагерей: кто-то — от «веховцев», кто-то — от их предшественников, кто-то находит еще какие-то предтечи. Представители поколения интеллигентов-шестидесятников в XX веке взяли на себя ту же функцию, которую в свое время приняла на себя народническая интеллигенция XIX века. Содержательный разговор об интеллигенции в ключе «Вех» уже вряд ли возможен.

Борис Межуев: К сожалению, я прочел «Вехи» в очень неудачное время — на первом курсе философского факультета, в 1988 году. По-

мню, какое влияние на моих однокурсников оказала статья Александра Изгоева о русской молодежи. Этот текст — обвинение русского студенчества в излишней политизации в ущерб учебе и штудированию научных книг, набор жестких моральных инвектив против быта интеллигенции и ее морального облика.

С этого времени образ молодежи, мне кажется, очень изменился. Ценность политики значительно уменьшилась. К 1990 году политикой интересовались только те люди, которые собирались делать в этой области карьеру. Традиционный этос русского студенчества как будто испарился. Но последствия отказа от политики, от принципов и постулатов русской интеллигенции оказались ровно теми же, что и в 1917 году: рухнула страна, произошел цивилизационный откат. И произошло это при пассивности если не всей интеллигенции, то ее молодых представителей. В этом — парадокс влияния «Вех».

А. Ч.: Когда кто-то из тех, кто называет себя интеллигентами, сегодня пытается учить, как нужно вести себя гражданам по отношению к власти, сразу возникает вопрос: **кто эти люди и кто делегировал им право на подобную деятельность?** Среди них есть незначительное число людей из недалекого прошлого, кото-

рым это «право» делегировано предыдущей оппозиционной традицией правозащитников и собственно правозащитной деятельностью. Например, Людмила Алексеева. Но это все-таки правозащитники. Это «группа острого протеста». Определять интеллигенцию через правозащиту — рискованно.

Игры некоторых представителей «интеллигенции» в нравственную оппозиционность — это попытка узурпации ею моральных прав граждан. Посмотрите, что нам предлагают сегодня те, кто ратует за новый общественный договор между властью и либеральной группой в элите. Эти люди в свою пользу хотят пересмотреть уже существующий договор граждан с властью. Этот договор граждане заключили с властью на общенародных выборах. Нет более высокого политического действия для гражданина, чем то, которое он совершает в тот момент, когда голосует за власть. В связи с этим любая попытка пересмотреть результаты общенациональных выборов нацелена на слом политической системы. Если результаты общенародного голосования вам не нравятся — работайте над содержанием будущего договора, который будет вынесен на голосование через отведенный Конституцией срок (пять или шесть лет). Для этого есть все механизмы. Если же вы хотите заключить к этому договору какое-то свое «приложение» об отдельном договоре с властью, то вы банально требуете переуступки вам прав всех граждан, всего общества. Хотя, возможно, это и есть циничная позиция некоторых «интеллигентов». У меня есть своя позиция, свои отношения с моральными авторитетами, которые я для себя выбираю. У другого интеллектуала — свои авторитеты. Перефразируя известную фразу Гёте, **моральные авторитеты — это те, кого мы принимаем за таковых, а не те, кто навязывает нам себя в таком качестве.** ■

Полную версию читайте на сайте «Русского журнала»